

Одним важным ограничением экспериментального метода в психологии является то, что техника, предназначенная для изоляции какого-либо одного фактора в языковой когнитивности и отделения его от других, частью которых он может быть, способна привести к деконтекстуализации. Результатом может быть неспособность вычленить фактор, поскольку он переплетается или взаимодействует с другими факторами в пределах интегрированной системы, равно как и неспособность точно установить, является ли то, что изолировано и вычленено, функционально дискретным фактором.

Как видим, каждый из методов, применяемых сегодня в когнитивной лингвистике, имеет как свои уникальные преимущества, которые делают эти методы необходимыми для исследования концептуальной структуры языка, так и ограничения, которые делают другие методы дополнительно необходимыми. Становится ясно, что каждый метод нуждается во взаимодействии с другими для разработки новых методик, которые могут быть применены в дальнейшем. Работы в этом сборнике являются и ранними вкладами в этот коллегальный дух, и предвестниками дальнейшего сотрудничества.

Библиографический список

1. *Talmy, Leonard.* 2000 a *Toward a Cognitive Semantics*, volume I: *Concept structuring systems*. i-viii, 1-565. Cambridge: MIT Press.
2. *Talmy, Leonard.* 2000b. *Toward a Cognitive Semantics*, volume II: *Typology and process in concept structuring*. i-viii, 1-495. Cambridge: MIT Press.
3. *Talmy, Leonard.* 2003. The representation of spatial structure in spoken and signed language. *Perspectives on Classifier Constructions in Sign Language*, ed. by Karen Emmorey. 169-195. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum.
4. *Talmy, Leonard.* 2004. Recombinance in the Evolution of Language. in *Proceedings of the 39th Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society: The Panels*. eds. Jonathon E. Cihlar, David Kaiser, Irene Kimbara, and Amy Franklin. Chicago: Chicago Linguistic Society.
5. *Talmy, Leonard.* Forthcoming. The attentional system of language. Cambridge: MIT Press.

Н.Ф. Алефиренко

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДИСКУРСА²

Введение

Принципы дискурсивно-семиологического исследования слова [1, с. 31], в противоположность его генеративному, структурному и традиционно-описательному изучению, впервые в отечественном языкознании были сформулированы Ю.С. Степановым [8, с. 206] и А.А. Уфимцевой [9: 68]. Затем семиологический подход был незаслуженно отодвинут с авансцены

² Работа выполнена в рамках научного проекта, поддержанного грантом «Научный потенциал высшей школы» (2007 г.).

лингвистических исследований, видимо, в связи с его структуральным прошлым. Однако в наше время, когда идеи генеративной и структурной лингвистики подвергаются переосмыслению (а значит и переоценке) с позиций интеграционного подхода к явлениям речемыслительной деятельности, возникает необходимость обратиться к истокам семиологии, чтобы отделить зерна от плевел: семиологический креатив от структурального догматизма.

Существует убедительная точка зрения, согласно которой язык и дискурс нераздельны [10, с. 49]. При этом исходят из того, что дискурсивная деятельность может осуществляться только благодаря сложнейшему механизму взаимодействия языка и речи. Действительно, дискурсивное пространство определенным образом регламентировано и находится во взаимодействии с системой языка: *язык перетекает в дискурс, дискурс – обратно в язык*. По образному выражению А.-Ж. Греймаса, они как бы держатся друг под другом, словно ладони при игре в жгуты. Ученый полагает, что разграничение языка и дискурса является промежуточной операцией, от которой, в конечном счете, надлежит отречься. Семиологии суждено было бы стать работой по собиранию побочных, ценностно-смысловых, продуктов языковой деятельности – продуктов, которые суть не что иное, как желания, страхи, гримасы, угрозы, посулы, ласки, мелодии, досады и извинения в их этнокультурологическом ракурсе, из которых и складывается язык в действии, или дискурсивная деятельность. Подобное определение, не будем отрицать, страдает непомерно личностным пониманием дискурсии. Однако в нем сконцентрированы все основные нюансы взаимоотношения языка, дискурса и культуры. Исследование данной проблемы состоит в познании закономерных связей и отношений языковой системы со средой своего функционирования.

1. Языковая система и дискурсивная среда

Понятие языковой системы и среды впервые обосновано А.В. Бондарко и И.В. Арнольд. Хотя названные ученые дистанцируют себя от когнитивной лингвистики, их работы помогают приблизиться к пониманию *дискурсивной среды* как множества языковых и неязыковых элементов, играющих по отношению к слову роль окружения, во взаимодействии с которым оно выполняет свою когнитивно-номинативную функцию. Содержание дискурсивной среды обуславливается двойственностью картины мира, поскольку включает в себя (а) объективную действительность и (б) ее отражение в нашем сознании, т.е. реальную действительность и идеальный мир человека. В этом, собственно, и состоит главное отличие дискурсивной лингвистики от системного языкознания, изучающего внутривидовую организацию языка.

Задача дискурсивной лингвистики значительно шире: изучать язык в действии, в процессе организации, обработки, хранения и передачи информации. Задачи, как видим, фундаментальные. Не удивительно, что в ходе их решения на наших глазах формируется новая лингвистическая теория, которую можно было бы назвать дискурсивно-семиологической. Ее специфика определяется той

ролью, которую она играет в раскрытии характера и механизмов коммуникативно-прагматического взаимодействия слова и концепта, реализующегося в соответствующей дискурсивной среде. Основная задача такой теории – выявить дискурсивно обусловленные пути и средства преобразования знаний в смысловые элементы речевой семантики; объектом дискурсивно-семиологического анализа является «живое слово», поскольку «в потоке речи семантическая составляющая вербализаторов различных концептов расширяется за счет возникновения окказионального смысла. Этот фактор также иногда может приводить к расхождениям в предполагаемой и актуальной интерпретации фрагментов дискурса» [2, с. 125].

Предметом дискурсивно-семиологической теории являются системно-функциональные механизмы дискурсивной интериоризации знаний, представлений, мнений об объективной действительности, выработанные человечеством в рамках той или иной этнокультуры. В отличие от системно-структурной семиологии, ее интересуют не только кодирование знаний в виде семных элементов семантической структуры слова, но и их дискурсивная актуализация.

2. Дискурсивно-семиологические принципы исследования слова

Изучение дискурсивно-семиологического статуса слова опирается на следующие гипотетические установки.

1. Если исходить из двуединой сущности языка, то основой дискурсивной семиологии должен стать *семиологический* принцип описания слова, отражающий сосюрровские представления о двуплановом модусе существования языка/речи. По Соссюру, семиологическое измерение знака представляет собой фиксацию разных этапов отношения знака к сигнификату. В рамках знаковой теории языка семиологический принцип нашел свое развитие в трудах Э. Бенвениста, в частности в его теории о д в о й н о м о з н а ч и в а н и и языковых единиц. Позже этот принцип был воспринят И.А. Бодуэном де Куртенэ, также убежденном в билатеральной сущности языка: как комплексе категорий и как беспрерывно повторяющемся процессе. В наше время разработка семиологического подхода в отечественном языкознании была продолжена В.В. Мартыновым, А.А. Уфимцевой, Н.Н. Болдыревым, С.А. Манаенко и др., а за рубежом в трудах Р. Барта и А.-Ж. Греймаса. Причем в зарубужной лингвистике семиология понимается предельно широко.

2. По Р. Барту, например, семиология – не категориальная сетка, в которую можно было бы непосредственно уложить реальность, приписав ей универсальную смысловую пронцаемость. Скорее, ее задача в том, чтобы – время от времени, то в одном, то в другом месте – будоражить реальность; «будоражающий» эффект возможен и без всякой сетки; наоборот, именно тогда, когда семиология пытается стать такой сеткой, она теряет всякую будоражающую силу. Отсюда следует, что семиология не способна подменить собой ни одну конкретную науку. Она лишь служит своего рода

джокером современного знания, подобно тому, как сам знак является джокером всякого дискурса.

3. Дискурсивная семиология в таком ракурсе становится скорее *семиотропией*. Повернувшись лицом к слову, она заворожена им, взирает на него и его воспринимает <...> как некое герменевтически воображаемое зрелище. А слово в дискурсивно-семиологическом измерении – подобно вспышке воображаемого. С другой стороны, если следовать логике рассуждений Р. Барта, дискурсивная семиология не подменяет герменевтику, поскольку она не столько раскапывает, истолковывает смыслы, сколько зарисовывает реальность, так, например, как зарисовывается начало весны:

*Тайга чернела. Закурились ели,
Отряхивая снежные меха.
Дымились кедры. Капали капли.
Ручьи залепетали, закипели* (И.Л. Сельвинский).

Дискурсивная семиология открывает возможность обращаться со словом как с расписным полотном или, если угодно, с вымыслом.

Своеобразие предмета дискурсивной семиологии состоит в том, что она, хотя и изучает словесные знаки в трех известных семиотических аспектах, ставит перед собой исключительно функционально-семантические задачи. С точки зрения *синтактики* изучает сочетаемость слов по законам ассоциативно-смысловой совместимости в рамках соответствующего дискурсивного пространства, с точки зрения *семантики* – их способность реализовать культурно маркированные смыслы, порождаемые той или иной дискурсивной средой, с точки зрения *прагматики* – способы обретения словом перлокутивных свойств для реализации интенциональности субъекта речи. В целом дискурсивно-семиологический подход к слову отражает основное свойство языка совмещать в себе стабильность и динамизм слова. Единство таких противоположностей достигается с помощью «челночной процедуры» абстрагирования: от дискурса к семантике слова, затем от семантики слова снова к дискурсу (Ю.С. Степанов).

4. Немаловажную роль в дискурсивной семиологии играет прототипический принцип, позволяющий по-новому взглянуть на проблему взаимоотношения семантики слова и дискурсивных условий ее формирования, на единство системного и функционального аспектов в языке [см. 6, с. 274]. Реализация прототипического принципа, сопряженного с системной и дискурсивной категоризацией лексики, обеспечивается «размытыми» границами категориальных явлений. Такая гибкость и лабильность дискурсивной категоризации, опирающейся на общие с прототипом свойства и признаки, позволяет включать в состав категорий не только наиболее ярких представителей данной категории, но и менее типичные объекты познаваемой действительности, как это делает А.С. Пушкин в изображении полтавского боя:

*Швед, русский – колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,*

Единственным принципиально важным условием такого словоупотребления служит смысловая релевантность слова в одних и тех же дискурсивных условиях и его соответствие целям или установкам речемыслительного акта [см. 3, с. 127]. Этим, собственно, дискурсивная семиология отличается от структурно-семантической семантики слова.

3. Дискурсивная семиология и семантика слова

Согласно концепции А.-Ж. Греймаса, следует различать два самостоятельных *уровня речи* — семиологический и семантический. Ученый считает их двумя разными способами речевого представления содержания слова. В результате этого семиологические и семантические элементы содержания слова, вступая в дискурсе в парасмысловые отношения, обеспечивают лексическому значению двухуровневое существование. Выделяются, однако, названные уровни не с целью последующего самодостаточного описания, а для уточнения способа их *содействия* и ради того, чтобы очертить их контуры и конфигурации.

Введением в структуру означаемого универсума двух уровней значения, особо подчеркивается их взаимная относительная независимость. Вместе с тем утверждается, что, будучи рассмотрены совместно, эти уровни образуют имманентный универсум значения, по праву *предшествующий проявлению составляющих его элементов в дискурсе*. Семантика слова существует в двух измерениях: в системе языка и в дискурсе. Причем в дискурсивной деятельности нередко появляются такие смыслы, которые системой языка не эксплицируются. Они порождаются когнитивными пропозициями в конкретном высказывании. Если предложение-высказывание – это модель факта, модель действительности, какой мы ее себе представляем, то его можно назвать «проекцией возможной ситуации» (Т. де Мауро) в семантическом пространстве «возможных миров» (Л. Витгенштейн, Дж. Серль., Д. Вандервекен, В.В. Целищев, Вяч. Вс. Иванов, Н.В. Черемисина, А.П. Бабушкин). Речевая интенция, то есть потребность выразить пропозитивный смысл, или пропозициональное содержание, предопределяет позиционную схему высказывания, для заполнения позиций которой подбираются соответствующие слова. Поскольку нужного слова в системе языка нет, приходится использовать имеющиеся в языке лексемы, которые вынуждены, погашая свое системное значение, «подстраиваться» [7, с. 11] под объективируемый в дискурсе пропозитивный смысл, связанный с переживанием субъективной значимости тех явлений или событий, которые оказались в зоне действия ведущего мотива. В результате семантика слова видоизменяется и становится предметом семиологии – науке о процессуальной (дискурсивной) семантике. Однако это еще не означает, что семантика предшествует семиологии. А.-Ж. Греймас, например, убежден в логическом предшествовании и самостоятельности семиологического уровня. При этом автор противопоставляет свое понимание семиологии основным постулатам теории лексиче-

ского символизма Ж. Дюрана. Это противопоставление вызвано тем, что его оппонент касается, по существу, тех же проблем, которые волнуют самого А.-Ж. Греймаса. Однако методы, применяемые этими исследователями, а также предлагаемые ими решения находятся на разных методологических полюсах.

Так, теория символической семантики Ж. Дюрана, основана на критериях генетического характера. Она опирается на рефлексологию Бехтерева и на основополагающее различие трех *доминантных рефлексов*: двигательного, пищеварительного и копулятивного. Именно рефлексологический уровень, рассматриваемый в качестве онтогенетически исходного, породил, по мысли Дюрана, некое подобие систематизации телодвижений, находящихся «в тесном сосуществовании» с символическими представлениями. Этот уровень, сам по себе еще не являющийся символическим, и лежит в основании семантического символизма. Такой, например, является символическая семантика фраземы *махнуть рукой* на кого, на что – ‘перестать обращать внимание; перестать заниматься кем-либо или делать что-либо’. Ср.: 1. *Затем приехал в Киев и, махнув рукой на дела, три дня проходил хмельной и радостно возбужденный по городу, по обрывам на Днепром* (И. Бунин. Деревня); 2. *Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку... Так и махнули на него рукой* (В. Шукшин. Алеша Бесконвойный). Благодаря семантическому символизму, – убежден Дюран, – становится возможным развитие воображаемого, представленного в *схемах* и *архетипах*. При этом Ж. Дюран показывает зависимость архетипов от схем. В качестве примера рассматриваются телодвижения человека. Они выступают первичным звеном на оси возникновения символа. И в силу этого телодвижения могут быть названы *схемами*, на базе которых формируются *архетипы*. Так, жест вертикализации, основанный на двигательной доминанте, порождает определения-прототипы «высокий – низкий» (*птица высокого полета, (быть) на высоте, с высоты своего величия – птица низкого полета, ниже своего достоинства, тише воды, ниже травы*). Точно так же, как движение проглатывания, соответствующее пищеварительной доминанте, в случае своего продолжения производит прототипы «содержащее – содержимое» (*проглотить пилюлю – ‘молча, терпеливо, без всякой внешней реакции снести обиду, оскорбление, выслушать что-либо неприятное; оставить обиду безответной’*). Кроме того, те же самые схемы порождают *субстантивные* архетипы типа «свет – тьма», «цвет», «сосуд», «форма – субстанция». Словом, работа Ж. Дюрана, с точки зрения А.-Ж. Греймаса одновременно содержит как достоинства, так и недостатки, присущие эклектизму. На этом фоне А.-Ж. Греймас стремится найти истинные принципы построения двухуровневой структуры значения. Их поиск основан на понимании семиологии как *процесса*, а семантики – как *системы*. В первом случае перед исследователем возникает проблема лексического символизма.

4. Дискурсивная семиология и потенциальный символизм слова

Символизм, в какой бы форме он ни выступал, по природе своей не отличается от других проявлений значения слова. Вместе с тем, было бы неверно уподоблять символизм способу существования семиологических структур. Если для самостоятельного функционирования символизм и должен опираться на семиологический уровень, он, тем не менее, полагает А.-Ж. Греймас, всегда вынужден содержать в себе ссылку на нечто иное, не семиологическое по своей природе [4]. К сожалению, автор не разъясняет, что представляет собой это «нечто иное». Полагаем, это нечто должно проецироваться природой самого символа, который «не только обозначает что-то, но одновременно и выявляет обозначаемое: выявляет истину, делает ее чувственно, интеллектуально и духовно воспринимаемой» [5, с. 67]. Понимание символа чувственно, интеллектуально и духовно воспринимаемой величиной сближает его с вербализованным концептом. Как и в концепте, в символе объективируется предметно-чувственное (образное) и сигнификативное отражение познаваемого. Однако символ – не простой сплав образа и понятия; в нем в потенциальном развитии одновременно сосуществуют сущность и явление, тогда как концепт – только сущность, объективированная в слове. В силу такого рода отличий символ принадлежит к сфере семиотических явлений, а концепт – к области когнитивных категорий. И как таковой *символ служит своего рода посредником между концептом и словом*. Выполнение символом столь важной функции становится возможным благодаря его специфическому референту. Содержательная специфика символа обуславливается референтом как идеей, а специфика слова – референтом как вещью. Референт как идея – это неоформленная «живая форма», из которой может возникнуть «живое понятие» и «живое слово». Идея как референт символа – ценностно-смысловая категория, способная формировать культурные концепты. Символ, лишь указывая на референт, сам по себе становится референтом, создавая «известную иллюзию удвоения сущностей» [5, с. 69]. Этим, собственно, и объясняется тот общеизвестный факт, что референт как идея может быть обозначен и именован разными символами: *птица счастья* [завтрашнего дня], *синяя птица*, *золотая рыбка*. В связи с этим у символа нет собственного денотативного (предметного) значения. Ср.: (а) *синяя птица* – ‘идиллическая, прекрасная, но недостижимая мечта’, (б) ‘символ счастья, удачи’; *золотая рыбка* – ‘счастливая возможность, шанс’. Его актуализация осуществляется в конкретном акте дискурсивной деятельности. Например: 1) Но ведь так бывает: погнался за *синей птицей мечты* и приехал сюда, к алтайским кедрам, еще совсем мальчишкой (Е. Соломенко); 2) Правда, бывает, что *синяя птица удачи* садится на плечо режиссера (Л. Быченкова). С точки зрения содержания, символ является неким когнитивным образованием, отсылающим к подразумеваемому ценностно-смысловому феномену – культуре. С точки зрения формы, символ выполняет функцию косвенной

отнесенности к содержанию, и главное, не столько указывает, сколько намекает, подразумевает, подсказывает.

Своим явленным аспектом символ может преобразовать слово в слово-символ. «Может» потому, что слово всегда знак, но не каждое слово – символ. Интеллектуально-эмоциональным потенциалом своей сущности символ стимулирует рождение концепта. В обоих случаях мы имеем дело с категориями лингвокультуры: в первом случае – с культурно маркированным словом, то есть с появлением в семантике слова этнокультурного компонента, а во втором, – с культурным концептом. Иными словами, и слово, и концепт своим вхождением в культуру обязано символу.

А.-Ж. Греймас допускает, что семиологическое образует некую разновидность означающего, которое сочленяет символическое означаемое и включает его в сеть различаемых значений. Однако автор тут же поясняет, что область семиологического структурирования гораздо шире любой частной формы символизма. Другими словами, не существует устойчивой корреляции между определенным семиологическим пространством и определенным типом символизма. Семиологическое безразлично к символизму, который содержит его внутри себя. В итоге автор приходит к выводу о том, что описание семиологического уровня представляет собой самостоятельную задачу, которая должна быть разрешена без принятия во внимание той или иной разновидности символизма.

Сопоставление символического и семиологического позволило А.-Ж. Греймасу увидеть некоторые очертания семиологического уровня, представляющего собой форму содержания. Однако понятия *семиологического* и *формы содержания* не тождественны: если все семиологическое с необходимостью принадлежит форме содержания, то обратное утверждение неверно. Такое соотношение рассматриваемых категорий требует к себе особого внимания со стороны когнитивной науки.

Заключение

Дискурс является той природной средой, в которой встречаются семиологический и семантический способы представления содержания слова, что позволяет говорить о дискурсивно-семиологических условиях существования системного значения слова [4]. Поскольку свойством познавательной креативности обладает именно семиологический уровень, есть основание квалифицировать соответствующий принцип функционально-семантического исследования слова как дискурсивно-семиологический. Его содержательными составляющими выступают семиология, семантика, когниция и дискурс.

В связи с этим современные семиологические штудии (логико-семиологические изыскания) могут быть активизированы когнитивной психологией и биолингвистикой. Справедливо и обратное: интенсивное развитие когнитивно-дискурсивной лингвистики как интегрированной науки находится в плоскости интеграции семиологических и семантических

принципов исследования имплицитного взаимоотношения языка, сознания и дискурса.

Конечно же, в стремлении найти способы разграничения дискурсивной семиологии и системно-структурной семасиологии, важно не забывать и об их родстве. Семасиология родственна ономасиологии тем, что также обращена к содержательному аспекту слова. Специфика же ее – в ориентации на внутреннюю структуру словесного значения. В его активе такие понятия, как *семантема*, *семема*, *сема* и т.п. Объектом ономасиологии – внешняя структура значения, его связь с именуемым предметом. В его активе иные понятия: референт, денотат, сигнификат и внутренняя форма слова. Специфика же дискурсивно-семиологического подхода в том, что в центре его внимания находится человек – интерпретатор и вербализатор результатов мыслительного отражения действительности и поэтому основной креативный источник дискурсивной семиологии слова, интегрирующей в себе его семиотические, ономасиологические и семасиологические ипостаси.

Библиографический список

1. *Алефиренко Н.Ф.* Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово – сознание – культура. – М.: Флинта-Наука, 2006. С. 31–41.
2. *Алимурадов О.А.* Смысл. Концепт. Интенциональность. – Пятигорск, 2003. 312 с.
3. *Гийому Ж., Мальдидье Д.* О новых приемах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М.: Прогресс, 1999. С. 124–136.
4. *Греймас А.-Ж.* Структурная семантика: поиск метода. – М.: Академический проект, 2004. 368 с.
5. *Колесов В.В.* Философия русского слова. – СПб.: ЮНА, 2002. 448 с.
6. *Манаенко С.А.* Дискурсивное употребление лексических единиц и параметры их функционирования // Язык. Текст. Дискурс: Межвуз. науч. альманах. – Ставрополь–Пятигорск, 2005. С. 274–283.
7. *Попова З.Д.* Когнитивные пропозиции и семантика языка // Язык и национальное сознание. Вып. 2. – Воронеж, 1999. С. 11–12.
8. *Степанов Ю.С.* Семиологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. – М.: Наука, 1976. С. 17–38.
9. *Уфимцева А.А.* Лексическое значение: Принципы семиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986. 240 с.
10. *Chafe W.L.* Beyond beads on string and branches in a tree // Conceptual structure, discourse and language. – Stanford, 1996. P. 49 – 66.